

Батурина Надежда Викторовна

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В РАССКАЗЕ Л. М. ЛЕОНОВА "ДЕЯНИЯ АЗЛАЗИВОНА"

В статье предпринимается попытка проследить использование фольклорной традиции Л. М. Леоновым в рассказе "Деяния Азлазивона", нуждающемся в дальнейшем исследовании. Особое внимание уделяется творческим заимствованиям из фольклора. В связи с этим раскрывается опора автора на нравственные представления народа, рассматриваются заимствования фольклорных образов и мотивов, а также использование структурной модели фольклорных жанров в качестве организующей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 37-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В статье предпринимается попытка проследить использование фольклорной традиции Л. М. Леоновым в рассказе «Деяния Азлазивона», нуждающемся в дальнейшем исследовании. Особое внимание уделяется творческим заимствованиям из фольклора. В связи с этим раскрывается опора автора на нравственные представления народа, рассматриваются заимствования фольклорных образов и мотивов, а также использование структурной модели фольклорных жанров в качестве организующей.

Ключевые слова и фразы: творчество Л. М. Леонова; литература 1920-х годов; рассказ; подтекст; «логарифмирование»; литературно-фольклорные взаимосвязи; фольклорная традиция.

Батурина Надежда Викторовна, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
baturina775@gmail.com

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В РАССКАЗЕ Л. М. ЛЕОНОВА «ДЕЯНИЯ АЗЛАЗИВОНА»[©]

В произведениях мыслителя и философа Л. М. Леонова всегда присутствует подтекст, что дает возможность их по-разному интерпретировать. Сам писатель как-то заметил: «Недосказанная мысль действует иногда сильнее, чем мысль изжеванная, на которой виден след зубов художника» [11]. Он неоднократно подчеркивал свою склонность к созданию скрытого плана повествования, к «логарифмированию», т. е. к сгущению художественного изображения, предельной концентрации мысли. Эта особенность писательской манеры ярко проявилась уже в ранний период творчества. Тогда же раскрылась еще одна черта художественного мышления прозаика – глубокий интерес к народной культуре, стремление постичь особенности мифологического мышления древнего человека. В 20-е годы XX века появились рассказы Л. М. Леонова, оригинальные по сюжету и необычные по стилю. Вокруг книг писателя всегда шла бурная литературно-критическая полемика. Некоторые произведения оказались запрещенными цензурой. Так произошло и с рассказом «Деяния Азлазивона», нуждающемся в дальнейшем осмыслении глубинных пластов его содержания и выявлении роли фольклорных элементов в тексте.

Н. Л. Леонова при работе над сборником воспоминаний об отце обнаружила зимой 1998 года папку с неизвестными ей рассказами и записку с запретом их печатать. Так было «открыто» произведение «Деяния Азлазивона», написанное в 1921 году [9]. Рассказ такого содержания не мог появиться в печати в те годы, когда началось активное наступление государства на церковь, когда каждое произведение должно было пройти цензуру Госиздата.

Интерес к культуре прошлого был воспитан у писателя с детства. Л. М. Леонов вспоминал об этом так: «Я с детства “пропитан” воздухом древней книжности... Дед мой – Леон Леонович Леонов, у которого я проживал в Зарядье, был неграмотен, но книгу уважал, и я, приходя из гимназии, читал ему жития святых, Киевский патерик, с зевотой поначалу читал, а потом все более увлекаясь. Интерес к этому вообще был свойствен нашей семье. Не знаю, насколько сознательно, но этот воздух детства пошел на строительство моих первых вещей. В этом “русле” я плавал, в этом искал, из этой старины возникли какие-то концепции, видения, самые разные миры. Это, наверно, предопределило у меня весьма сложный “смык” с Библией, апокрифическим эпосом: отсюда и такая своеобразная “алгебра” ранних произведений. Как там все сплослось, судить не берусь... Знаю одно – что когда в начале века “расчищалось место бою”, это еще не означало обязательного потеснения национальных святынь. Об этом мне тогда, наверно, и хотелось сказать. И время показывает, что этот мир так безоглядно оставлять нельзя... нельзя» [8, с. 23]. Высказывание писателя помогает более глубоко понять его эстетические взгляды. В начале XX века усилился интерес русской литературы к мифологии и фольклору. Хотя звучали речи о том, что фольклор устарел, на практике словесное искусство народа было неиссякаемой сокровищницей не только в художественном плане, но и в нравственно-этическом. Л. М. Леонов всегда стремился соотносить присущие своему времени нравственные законы и нормы с вечными ценностями, нашедшими отражение в народной словесной культуре.

Героями рассказа «Деяния Азлазивона» становятся разбойники, промышляющие на большой дороге и держащие в страхе всех проезжающих. Шайку возглавляет «рослый детина, нестарый мужик, Ипат» [9, с. 85]. Его облик довольно выразителен: «На нем был черно-мурый кафтан под кушаком, был сам он видом лих, а лицом ряб, в бороде же нежданно пробегла седина» [Там же]. Остальные были под стать своему вожаку, такие же лихие и отчаянные. Персонажи рассказа напоминают героев преданий о разбойниках и лирических удалых песен. Подчеркивается их физическая сила и мощь: «День-другой, кельи рядками повывросли. Третий-четвертый – частокол, а за ним ровик, защита от блудящего зверя. И в конце второй недели, нежданная, как цветок на болоте, маленькая церквушка зелёной маковкой зацвела во имя новгородского Нифонта» [Там же, с. 86]. Народ воспринимал разбойничество как особую форму социального протеста, проявляющуюся в неограниченной свободе. Можно обнаружить сходные черты и с персонажами духовных стихов о праведниках

и грешниках, христианских легенд народа. Герои рассказа Л. М. Леонова ассоциируются с фольклорными и участвуют как в создании подтекста, так и в философских размышлениях автора.

Для рассказа Л. М. Леонова характерно и мотивное заимствование не только из фольклора, но и из житийной литературы. Мотивы раскаяния разбойника, обращение его к покаянию, спасения души, контакта с бесами являются традиционными как для духовных стихов, так и для житийной литературы. Ученым выделяется в древнерусской литературе особый тип героя – это «раскаявшийся разбойник», который входит в категорию так называемых «грешных святых» [4, с. 14]. Как показано М. Н. Климовой, сюжетная схема житий данных героев, базируется на трех ключевых моментах: грех – покаяние – спасение [Там же, с. 12]. «Сюжет рассказа Леонова также имеет три ключевых точки: совершение разбойником греха – уход в скит – гибель скита» [5, с. 199]. В рассказе соединяются фольклорная и агиографическая традиции.

К принятию решения о раскаянии Ипат пришел после того, как его ножом был расколот образок с ликом Нифонта на груди убитой жены проезжего богатого купца. С тех пор и стал появляться Нифонт во снах Ипату и грозиться, что отречется от него. Двадцать шесть разбойников, привыкших грабить и убивать, по призыву Ипата, получившего при покаянии имя Сысой, меняют образ жизни, начинают строить скит, молятся, пытаются очистить душу от грехов. Как видим, перед основанием обители совершается большой грех – убийство. Почти ничего не говорится в рассказе о покаянии разбойников. Поэтому возникает сомнение в том, что они действительно раскаялись. Вчерашние разбойники считают, что главное – найти священника. «Без попа наше моление, как без кнутовища кнут» [9, с. 86]. Их не смущает, что прихваченный с собой поп Игнат мало соответствует своему назначению. Новоиспеченные монахи уверены, что «попик-клопик» поможет им искупить грехи, а те смогут его за это протащить «во врата райские» [Там же].

В рассказе «Деяния Азлазивона» большой интерес вызывает особая группа героев – нечистая сила. Она появляется и в других рассказах Л. М. Леонова 20-х гг. XX в., но изображается по-разному. Мир народной фантастики всегда привлекал к себе внимание художника слова. «В верованиях о темной и нечистой силе заключались не только предрассудки и суеверия народа, но и в специфической форме проявлялось его художественное мышление» [12, с. 124]. Многие герои Л. М. Леонова обладают мифологизированным восприятием окружающего мира [1]. Они верят в существование нечистой силы, воплощающей естественные природные ценности, и умеют с ней обращаться. В литературной сказке «Бурьга» [7, с. 35-53] действуют дед-леший и семейство «окаешек», мирных и привлекательных существ, с присущими каждому индивидуальными чертами. В «Случае с Яковом Пигунком» [Там же, с. 115-132], считающемся второй частью сказочной дилогии, автор изображает похождения чертика Долбуна, измученного и одинокого, мечтающего о том, чтобы его считали сыном и звали Кирюшей. «Демонологические существа не представляются народу чем-то мистическим, ирреальным. Народная фантазия не выходит за рамки человеческого опыта. Нечистая сила, по народным рассказам, не что иное, как злое, вредное существо, и своими внешними данными, и складом ума мало чем отличающееся от человека» [12, с. 254]. Принцип реального изображения демонологических существ, свойственный народному сознанию, был успешно использован Л. М. Леоновым.

О разных последствиях столкновений человека с «нечистой» говорится в жанрах нескладочной прозы. В быличках и бывальщинах нередко подчеркивается, что человек сам провоцировал столкновение с демонологическими существами. В русском фольклоре представители низшей мифологии выполняют широкий набор действий – от явного вредительства до невольного содействия герою. Л. Н. Виноградова описала типичные для русской демонологии образы и выделила действия, которые являются для них общими: вредить человеку или домашней скотине, наказывать человека за неправильное поведение или нарушение каких-то правил общежития, помогать человеку в награду за помощь представителям потустороннего мира [3]. Нечистая сила может оказаться сильнее человека, вступить в столкновение с ней и стать причиной трагических событий в его жизни, как и происходит у Леонова.

В произведении изображается жестокий поединок людей и бесов, возникший из-за того, что скит оказывается построенным на месте бесей берлоги. Бесы все активнее наступают, подвергая людей новым испытаниям и стремясь уничтожить скит и его обитателей. Автор мастерски изображает представителей нечистой силы, являющейся олицетворением зла, создает ее обобщенный образ и индивидуализирует ее представителей, придуманных автором и существующих в представлении народа, подчеркивает любимые занятия и развлечения бесов. «Обыкли они тут, по жеребью ходили в окрестные селения совращать правильных людей» [9, с. 87]. Писатель обрисовывает нечистую силу кратко, но образно, метко подчеркивая отдельные черты, изображая действия и поступки, при этом учитывая их иерархию. Особое внимание уделяется главным бесам. Описание внешнего вида Азлазивона соединяется с его характеристикой: «Бес он. Безобразен видом и крут нравом. Носом протягновен и покляп, а телом гол и рыж» [Там же]. Бес Гаркун принимает облик прекрасного юноши-живописца и глумится над людьми. Особенно выделяется их предводитель: «Свирело поднялся Велиар, ударил о пол, мощный желтым камнем, голым своим хостом, испустил огонь. С визгом попадали бесы, не вынесли величия, рожденного от крошечного огня» [Там же, с. 95]. Жестокое состязание, изображенное со всеми деталями и подробностями, заканчивается страшной гибелью людей и победой зла. Это произошло потому, что не было у разбойников ни прочных нравственных ориентиров, ни искреннего покаяния, ни настоящей веры, ни помощи святых.

Итак, мы видим, что Л. М. Леонов при создании рассказа обращался к народной словесности. Названные выше мотивы становились сюжетообразующими в произведении. Автор опирался на структурную модель былички и бывальщины. Образная система во многих фольклорных жанрах строилась по принципу антитезы.

В «Деяниях Азлазивона» такого противопоставления не наблюдаем, так как трудно отнести грешников, возможно, и раскаявшихся, к положительным персонажам. Принципы изображения нечистой силы в рассказе «Деяния Азлазивона» иные, чем в народных сказках и других рассказах этого периода. Композиционной основой произведения является антитеза. Действие в рассказе, как и в волшебной сказке, разворачивается в двух пространственных планах. С одной стороны, мы видим людей, представителей реального мира, с другой – фантастических персонажей, представителей «антимира». Разбойники попадают в «антимир», но не возвращаются назад, в отличие от фольклора, а погибают. Действие сначала динамично, но потом, за счет троекратных повторов, замедляется (постройке скита предшествует троекратное явление Ипату Нифонта, три раза приходят к Велиару бесы с просьбой уничтожить обитель Сысоа, три раза кланяется Сысой бесам, принимая их за ангелов и т.д.). Самое главное испытание, как и в фольклоре, оказывается третьим. Для текста характерны трехчастная композиция, троекратные повторы, свойственные поэтике фольклора [10]. Об опоре на фольклорную традицию свидетельствует использование образительно-выразительных средств и сказовой манеры повествования.

Необычный сюжет и такие герои были необходимы автору для того, чтобы донести до читателя очень важную идею, но в зашифрованной форме. Обратимся к некоторым мыслям из записных книжек прозаика: «Меньше храмов – больше тюрем», «Народ без святых и есть чернь», «Чувство Бога и есть показатель нравственного здоровья народного, ибо зиждется на ежеминутном ощущении личного, в его жизни, участия добра и зла» [6]. Л. М. Леонов был уверен в том, что в каждом из нас должно быть немного Бога. В «Бурыге» автор упоминает старца Сергия, который «...бога славил и всю земную тварь любил» [7, с. 51]. В «Случае с Яковом Пигунком» утверждается право любого Божеского создания на жизнь и отрицание насилия. Эти мысли прошли через всю леоновскую прозу. Вечные ценности, прославляемые писателем-гуманистом, должны быть всегда нравственным ориентиром людей [2]. Чрезвычайно важно следующее суждение Л. М. Леонова: «Фольклор в чистом виде подобен кристаллу, излучающему гамму цветов. Ты же должен найти свой, собственный, который растянешь и которым понижишь ткань произведения, как серебряной нитью, но так, чтобы вышло для постороннего глаза незаметно» [13, с. 148]. Писатель обосновал собственный принцип творческого взаимодействия с народной словесностью. Думается, он сумел найти свой «цвет», удачно соединив фольклорную и литературную традиции в рассказе «Деяния Азлазивона».

Список литературы

1. **Афанасьев А. Н.** Происхождение мифа: статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М.: Индрик, 1996. 640 с.
2. **Батурина Н. В.** Проза Л. Леонова 20-х годов и фольклор: монография. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. 168 с.
3. **Виноградова Л. Н.** Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 92 с.
4. **Климова М. Н.** От протопопы Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М.: Индрик, 2010. 135 с.
5. **Ковалева Т. И., Непомнящих Н. А.** Сюжет рассказа Л. М. Леонова «Деяния Азлазивона» в свете древнерусских агиографических традиций // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе: сборник научных трудов / отв. ред. Е. Ю. Куликова. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2012. Вып. 10. С. 197-203.
6. **Леонов Л.** Из записной книжки: 1950-1960-е годы // Наше наследие. 2001. № 58. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5807.php>. Дата обращения: 25.03. 2015.
7. **Леонов Л.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. Повести и рассказы. 502 с.
8. **Леонов Л.** Человеческое, только человеческое... // Вопросы литературы. 1981. № 1. С. 3-25.
9. **Неизвестный Леонов, Леонид Леонов.** Деяния Азлазивона // Наше наследие. 2001. № 58. С. 84-95.
10. **Непомнящих Н. А.** Семиотика чисел в рассказе Л. М. Леонова «Деяния Азлазивона»: источники и семантика [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2014-2/2014_2_nepomnjacshih.pdf (дата обращения: 25.03.2015).
11. **Польковская В. П.** Так спаслись ли покаявшиеся? // Наше наследие. 2001. № 58. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5807.php>. Дата обращения: 25.03. 2015.
12. **Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века** / отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1976. 455 с.
13. **Чеботарева В. Г.** Народно-поэтическое начало в рассказах Л. Леонова (1920-е годы) // Русский фольклор. Л.: АН СССР; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), 1978. Т. XVIII. С. 147-166.

FOLKLORE TRADITION IN THE STORY “AZLAZIVON’S DEEDS” BY L. M. LEONOV

Baturina Nadezhda Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birk
baturina775@gmail.com

The article attempts to trace the use of folklore tradition by L. M. Leonov in the story “Azlazivon’s Deeds”, which needs further research. Special attention is paid to the creative adoptions from folklore. As a result the writer’s support on the moral views of the folk is revealed; the adoptions of folklore images and motives, and also the use of the structural model of folklore genres as an organizing one are examined.

Key words and phrases: creative work of L. M. Leonov; literature of the 1920s; story; implication; “taking the logarithm”; literary-folklore correlations; folklore tradition.